

От этого ненависть к Лу Монику в ней лишь усилилась, но сложившиеся обстоятельства заставили её смириться. Она склонила голову, опустив глаза, и, подобно иве, покачиваясь на ветру, предстала в хрупком и жалком виде, тихо утирая слёзы.

— Бам!

Господин Синь ударил по столу судебной дощечкой, и оба тут же опустились на колени.

— Кто стоит внизу?

Господин Синь нахмурился, его вид был суров.

— Простолюдин Лу Шичжун, глава семьи Лу с Восточной улицы.

— Простолюдинка Лян из семьи Лу.

Они опустили взоры. И хотя семья Лу была старинным родом, к поколению Лу Шичжуна она пришла в упадок. Осталось лишь громкое имя, но реального положения он не имел, потому вынужден был встать на колени. Однако, глядя на Лу Монику, сидящего в стороне, оба почувствовали сильный дискомфорт.

Сначала Лу Шичжун испытывал жалость к маленькому сыну, оставленному его первой женой. Но позже, когда родился второй сын, и тот не проявлял к нему привязанности, он начал охладевать к нему. Добавив к этому постоянные нашептывания Лян-ши, он стал ещё больше раздражаться на Лу Монику, часто ругая и наказывая его. Но теперь он наконец осознал, что этот юноша больше не был тем мальчиком, который безропотно терпел побои, а стал... чиновником с официальным статусом.

— Лу Шичжун, Лян из семьи Лу, признаёте ли вы человека перед собой?

Господин Синь нахмурился, испытывая ещё большее отвращение к Лян-ши, которая внезапно начала плакать.

— Ответствую Вашему превосходительству, это... мой старший сын, — сказал Лу Шичжун, подняв взгляд на Лу Монику, и их глаза встретились. Взгляд Лу Монику был холодным, словно он смотрел на незнакомца. Лу Шичжун почувствовал странное сожаление.

Если бы он не слушал свою жену! Даже если старший сын не был близок с ним, он всё же был его отцом. Неужели он действительно мог бы поднять руку на своего отца?

Но теперь, как бы он ни сожалел, было уже поздно. Он только надеялся, что план его жены сработает.

— Лу Шичжун, новый Чжуаньюань Лу Монин обвиняет вашу мачеху Лян-ши в том, что она, ради личных интересов, подсыпала ему зелье, подменила его на вашего сына Лу Шимина, чтобы тот женился вместо него, и похитила его назначение, намереваясь занять его место. Вы знали об этом?

Господин Синь смотрел на него с мрачным взглядом, и сердце Лу Шичжуна ёкнуло. Он хотел было заговорить, но Лян-ши резко дёрнула его, напоминая не проговориться.

Лу Шичжун глубоко вздохнул и сделал вид, что удивлён:

— Что? Нет... разве не говорили, что старший сын добровольно согласился выдать замуж

Миньэра в дом канцлера?

— Лу Шичжун, как ты смеешь оправдываться?! Если это было добровольно, зачем тогда подсыпали ему зелье, чтобы он потерял сознание? Если он согласился, зачем тогда он нанёс себе увечья, чтобы сбежать от этой свадьбы?

Господин Синь испытывал естественную симпатию к образованным людям, тем более к новому Чжуаньюаню, лично назначенному императором. Если этот случай не будет разрешён должным образом, это может вызвать недовольство императора, и тогда его карьера подойдёт к концу.

— Это... это мне действительно неизвестно. Жена говорила мне, что старший сын добровольно согласился, что он и второй сын Цзинь питают друг к другу чувства, и он с радостью согласился выйти замуж за второго сына, чтобы я их поддержал. Я тогда очень разозлился, считая, что он отказывается от своей карьеры ради любви, и запер его в родовом храме, даже не желая видеть его. Но теперь... Лян-ши, что же происходит?!

Лу Шичжун гневно крикнул, но в душе он не был уверен. Это был план, который они с Лян-ши обсудили заранее. Если они признаются, что подставили нового Чжуаньюаня и обманули императора, это будет преступлением, караемым уничтожением девяти поколений рода. Ни в коем случае нельзя признаваться.

— Господин... я тоже не знаю. Это... это матушка Сюй рассказала мне. Я тогда была тронута чувствами старшего сына и согласилась. Но как всё вдруг изменилось? Старший сын, может быть, здесь какое-то недоразумение? Даже если бы у меня была смелость, я бы никогда не посмела так поступить с тобой!

Лян-ши и Лу Шичжун играли в дуэте, её слёзы катились по щекам. Она была миниатюрной, и хотя ей уже за тридцать, благодаря хорошему уходу она выглядела как девушка шестнадцати лет, словно ива, хрупкая и привлекательная. Её плач заставил некоторых зрителей за пределами зала поверить ей, и они начали переглядываться, недоумевая, что происходит.

Неужели... господин Лу и Лян-ши действительно ничего не знали?

Лу Монин хладнокровно наблюдал за игрой Лян-ши, его глаза оставались спокойными, но уголки губ слегка приподнялись, выражая едва заметное презрение. Он уже мог угадать её план на семь или восемь из десяти. Она хотела, чтобы матушка Сюй взяла всю вину на себя. В прошлой жизни, когда он разоблачил её, она уже использовала этот приём. Теперь, наблюдая за этим, он находил это забавным и с удовольствием позволил ей разыграть этот спектакль, просто наблюдая за этим представлением.

Господин Синь нахмурился:

— Недоразумение? Вы действительно ничего не знали?

Лян-ши, обливаясь слезами, поклонилась господину Синь, выражая искренность:

— Ваше превосходительство, я действительно ничего не знала. Я только слышала от матушки Сюй. Она была кормилицей моего сына и всегда любила младшего сына. Возможно, здесь какое-то недоразумение.

Лян-ши специально упомянула матушку Сюй, чтобы господин Синь не мог игнорировать этот факт. Он задумался, ударил судебной дощечкой и приказал:

— Приведите матушку Сюй!

Матушка Сюй быстро была приведена. Это была та самая матушка, которая сопровождала свадебный паланкин.

Она подошла, аккуратно встала на колени, её лицо было бледным, и сначала поклонилась господину Синь:

— Старая рабыня Сюй приветствует Ваше превосходительство!

Господин Синь спросил:

— Сюй, я спрашиваю тебя, узнаёшь ли ты этих двоих, стоящих на коленях рядом с тобой?

Матушка Сюй ответила:

— Конечно, узнаю. Это мой господин и госпожа.

Господин Синь спросил снова:

— А этого ты узнаёшь?

На этот раз он указал на Лу Мони́на.

Матушка Сюй быстро взглянула на Лу Мони́на и опустила голову:

— Ответствую Вашему превосходительству, старая рабыня узнаёт. Это мой старший господин Лу... старший господин Лу.

— Если ты узнаёшь его, почему тогда перед домом канцлера Цзинь ты утверждала, что это твой второй господин?

Господин Синь резко ударил по столу, и матушка Сюй вздрогнула, её лицо стало ещё бледнее.

— Это... это... старая рабыня уже стара, глаза плохо видят. Поскольку выходить замуж должен был второй господин, я подумала... что это должен быть он. Старая рабыня ничего не знает! Ваше превосходительство, защитите меня!

Матушка Сюй вдруг начала громко рыдать, что привлекло внимание зрителей за пределами зала, которые начали заглядывать внутрь, не понимая, что происходит.

В этот момент Лян-ши повернулась и, обливаясь слезами, посмотрела на матушку Сюй:

— Матушка Сюй, я всегда хорошо к тебе относилась. Разве ты не говорила мне, что старший господин и второй господин Цзинь питают друг к другу чувства, и он добровольно согласился выйти замуж вместо второго господина? Почему теперь всё изменилось? Скажи мне, что происходит?

Лян-ши мастерски изобразила глубокую печаль и горе обманутой женщины. Зрители за пределами зала постепенно стихли. Неужели... они ошибались?

Неужели Лян-ши действительно ничего не знала?

Матушка Сюй, услышав это, вдруг замерла, её глаза забегали, явно что-то скрывая, но она

продолжала бормотать:

— Нет, нет... старая рабыня ничего не знает, ничего не знает!

Но её поведение вызывало сильные подозрения, и вместе со словами Лян-ши господин Синь резко ударил по столу:

— Ах ты, хитрая старуха! Вижу, ты не сдашься, пока не увидишь гроб. Люди... тащите её и наказывать двадцатью палками!

Сказав это, он уже собирался достать приказ из бамбуковой трубки на столе, но как только он произнёс эти слова, матушка Сюй испугалась и упала на пол, «признаваясь»:

— Ваше превосходительство, не бейте! Старая рабыня признаётся! Старая рабыня всё расскажет!

Матушка Сюй опустила голову, а Лу Монин хладнокровно наблюдал за этим, его брови сдвинулись, и на его юном лице появилось едва заметное холодное выражение.

— Говори! — гневно приказал господин Синь.

— Старая рабыня... это дело... всё сделала я одна. Господин и госпожа действительно... ничего не знали.

Матушка Сюй лежала на полу, дрожа всем телом, её голос дрожал. Лу Монин знал, что Лян-ши часто использовала этот приём. Она держала в руках контракты на этих слуг, и матушка Сюй была её личной служанкой, пришедшей с ней в дом. Не только сама матушка Сюй, но и её муж, и её сын были слугами семьи Лу, которых Лян-ши крепко держала в руках. Вероятно... Лян-ши на этот раз решила сделать матушку Сюй козлом отпущения.

— Расскажи подробно, что именно произошло?

Господин Синь поверил ей отчасти, его взгляд стал строже, а слова — более настойчивыми.

<http://bllate.org/book/16611/1518800>